

Су Янь был полон недоумения, но всё же принял из рук Су Чжи тонкий конверт. Письмо из дворца... Написать ему мог, пожалуй, только Сяо Цичэнь.

Как ни странно, это было первое послание от принца после отъезда Су Яня из Цзиньлина.

Сяо Цичэнь учился каллиграфии, подражая мастерам прошлых династий, но из-за недостатка жизненного опыта его иероглифы, хоть и имели хороший костяк, всё же выглядели несколько незрелыми. На двух тонких листах бумаги были убористо исписаны строки мелкими уставными знаками. Су Янь с трудом разбирал написанное, перечитывая несколько раз, чтобы уловить ход мыслей автора.

Сяо Ципин женился. Его супругой стала старшая дочь го-гуна Аньго из рода Хэ — брак вполне подходящий по статусу.

Сначала девушка из рода Хэ, узнав, что князь Чу слеп, наотрез отказалась выходить за него. В свадебный паланкин её почти впахнули силой, сквозь рыдания. Однако после церемонии, когда молодые поехали с визитом к её родителям, невеста вернулась сияющей, говоря, что князь оказался человеком нежным и заботливым. Прошло три месяца, супруги относились друг к другу с величайшим почтением, души не чаяли друг в друге, да и остальные обитатели дворца жили в ладу. В княжеских покоях воцарилась давно забытая атмосфера уюта и жизни.

В письме также говорилось, что партия князя Чжао во главе с левым министром Се Кэ то и дело намекала Сяо Яню о необходимости вновь назначить наследника престола в Восточный дворец. Однако Великий наставник Цзэн Сюй яростно выступал против поспешного решения. Они целыми днями препирались на дворцовых собраниях, доведя императора до того, что тот три дня подряд не проводил утренние аудиенции...

На этом месте Су Янь невольно усмехнулся и пробормотал:

— Отправили тебя на собрания учиться управлять страной, а ты только сплетнями интересуешься.

Далее следовали пространные рассказы: о том, как в Чертоге Чэнлань отцвели персиковые деревья; о том, как после собрания он повстречал Великого наставника, не смог толком ответить на вопрос о «Чжун юне» и был им сурово отчитан; о том, что у старшего брата Пина на лице теперь часто появляется улыбка — должно быть, супруга хорошо к нему относится; и ещё...

«В тот день я тайком сбежал из дворца, поднялся на гору Цися и играл там с компанией литераторов в „извивающийся поток с кубками“. Возвращался уже затемно, проходил мимо вашей усадьбы... и вдруг так сильно захотелось вас увидеть. Снова нарисовал цветущую сливу тушью. Скажите, есть прогресс?»

Дойдя до последней строчки, Су Янь встряхнул конверт, и оттуда действительно выпал ещё один листок.

На этот раз слива была изображена ещё более схематично, чем в прошлый раз: мастер перешёл от передачи формы к передаче идеи. Несколько изящных клякс свободно рассыпались по бумаге, являя собой воплощение непринуждённости и лёгкости. Сердце Су Яня дрогнуло. Он разложил рисунок на столе, немного подумал и добавил на полях несколько иероглифов. Закончив, он долго смотрел на лист, и всё его существо наполнила странная, сладкая и щемящая радость.

Его каллиграфия, поставленная рядом с рисунком Сяо Цичэня, создавала ощущение наивной, но искренней надежды на вечность.

«Пусть годы проходят, а дружба наша длится вечно».

В ту же ночь маркиз Пинъюань, Великий генерал — опора государства Су Чжи, лично отправился в место, где содержались пленники-тюрки. Возможно, воспоминания о том, как пятнадцать лет назад Гвардия доблестной кавалерии вымела их племенной союз подчистую, были ещё свежи, потому что, едва стража произнесла: «Перед вами наш великий генерал Су», как вожак тюрков тут же подкосился в ногах.

Генерал жестом велел подойти заместителю Шэнь Чэнцзюню.

Тот имел учтивую внешность и постоянно улыбался, производя впечатление мягкого и доброжелательного человека. Но в Гвардии все знали, что Шэнь Чэнцзюнь был классическим «улыбающимся тигром». Всю жизнь он особенно преуспевал в двух вещах: наносить удары исподтишка и, нанеся их, первым жаловаться на противника. Из четырёх заместителей он был самым молодым и самым неудобным в общении. За годы службы его репутация в армии стала настолько скверной, что почти сравнялась с репутацией самого генерала.

Шэнь Чэнцзюнь уловил намёк Су Чжи и добрых полчаса спокойно простоял в роли грозного «талисмана». Когда тюрки, наконец, повалились на колени, заливаясь слезами и выкладывая всё, в помещении воцарилась мёртвая тишина, будто воздух сам застыл.

— Вы... вы сказали, — голос Шэнь Чэнцзюня дрогнул, — что Хуянь Тун мёртв?

Хуянь Тун, хаган тюрков, который собрал под своим началом девять племён, дошёл аж до округа Цингуан и несколько лет водил за нос самого Су Чжи, неся потери с обеих сторон... внезапно умер?

Короткое молчание сменилось гулким перешёптыванием. Все присутствующие переглядывались, словно решая, как же теперь поступить великому генералу. Су Янь взглянул на отца, но лицо того оставалось невозмутимым.

— Продолжайте, — сказал Су Чжи тюрку.

— Хан был уже в годах, прошлой зимой тяжело заболел и так и не оправился, — тюрк говорил, и в его голосе слышались слёзы. — А этим летом на севере вдруг ударила невиданная жара, и хан он... Согласно обычаям нашего племени, если умирает отец, сын обязан вернуться, чтобы почтить его память. Но в этот самый момент старший сын отказался подать петицию императору Лян с просьбой отпустить второго сына домой. Ханша, видя это, не выдержала и тайком послала нас...

Его горе не находило отклика у остальных. Су Чжи помолчал, затем повернулся к своим:

— Дело серьёзное. Чэнцзюнь, ты возьмёшь Су Яня и отправишься с ним ко двору — доложить лично государю. Чжан Ли, собери отряд и сопровождай их в Цзиньлин, затем ступай в резиденцию тюркского заложника и обеспечь надёжную охрану. Остальные двое, вернитесь к своим подразделениям, прикажите губернатору Сюйчжоу отозвать восточный гарнизон. Будьте наготове к выступлению в иное место.

Шэнь Чэнцзюнь, не в силах удержаться, спросил:

— Главнокомандующий, а в какое именно место?

Су Чжи бросил на него взгляд, полный презрения. Не проронив ни слова, он поднялся и вышел. Ночной ветерок коснулся их лиц. Видя, что Шэнь Чэнцзюнь всё ещё пребывает в растерянности, Су Янь тихо подсказал:

— ...На север.

Шэнь Чэнцзюнь вздрогнул и осторожно спросил:

— Хуянь Тун уже мёртв, а главнокомандующий всё ещё хочет их добить?

Су Янь посмотрел на него, как на полного простака, заподозрив, что обычная проницательность покинула генерала в самый неподходящий момент:

— Генерал Шэнь, «не нашей крови — не нашего сердца». Хуянь Тун признал наше главенство, но теперь, когда преемник ещё не определён, нет никакой гарантии, что следующий хан будет столь же покорно платить дань Великой Лян. Как вы полагаете?

Словно пелена спала с глаз. Шэнь Чэнцзюнь вдруг всё понял, поник и почувствовал себя полным дураком: его, выдавшего виды военачальника, в понимании ситуации обошёл юнец, ни разу не бывавший на настоящей войне.

Но можно ли покончить с вековой враждой, делящейся поколениями, за одно-два столетия?

Ночное небо над Сюйчжоу было ясным, и взору открывалась вся россыпь звёзд. Когда все улеглись спать, только несущие вахту солдаты бодрствовали у тусклого света факелов, больше в ночи не было ни огонька.

На следующий день из Гвардии доблестной кавалерии отобрали десяток с лишним человек. Те, переодевшись в форму обычных сменных солдат, разделились на два отряда и отправились в Цзиньлин.

Шэнь Чэнцзюнь, имея при себе главнокомандующую печать, поспешил в Тайчэн, чтобы доложить о северных делах на большом дворцовом собрании. Чжан Ли же заранее отправил людей занять резиденцию тюркского заложника. В то же время Су Чжи распорядился пустить слух, что приближённые тюркского принца взяты под стражу.

Хан тюрков скоропостижно скончался несколько дней назад, но Великой Лян об этом даже не известили. Пусть между двумя странами и лежала гора старых обид, формально они сохраняли мирные отношения. Утаивать столь важное событие — император Сяо Янь, естественно, остался недоволен, хотя открыто и не выказал своего гнева. Су Янь пробыл в Цзиньлине ещё несколько дней, пока, наконец, не дождался тюркского посланника, который, прослышав о происходящем, поспешил явиться ко двору.

Позже Су Янь узнал, что в день, когда посланник просил отпустить тюркского принца, на собрании сначала левый министр яростно обрушился на посла, обвиняя того в неуважении к Срединному государству. Затем Великий наставник принялся корить левого министра за близорукость и погоню за сиюминутной выгодой. Цензоры, как водится, пытались всех примирить, советуя государю не выпускать тигра из клетки обратно в горы. Генерал Шэнь старался сгладить острые углы...

Сяо Цичэнь зевнул и сказал Су Яню:

— В конце концов, отец устал, велел старшему брату Юю продолжать слушать доклады, а сам удалился в Западный чертог вздремнуть.

Су Янь, сидя напротив, налил ему чаю:

— И ты тоже немало потрудился.

Он редко бывал в Цзиньлине по казённой надобности, и, хотя все решения принимал Шэнь Чэнцзюнь, Су Янь наслаждался свободой. Он сумел передать Сяо Цичэню записку и договорился о встрече в «Тереме туманного дождя» на западной окраине Цзиньлина после собрания.

Увидев Сяо Цичэня вновь, Су Янь заметил в нём некую перемену, хотя и не мог точно определить, в чём именно она заключалась. Казалось, прежняя мрачность немного отступила. «Выходит, жизнь за пределами Дворца Минфу действительно пошла ему на пользу», — подумал Су Янь.

Выслушав долгий, эмоциональный монолог принца, Су Янь уловил главное и с лёгким удивлением спросил:

— Государь и впрямь так благоволит князю Чжао?

— Благоволение благоволением, но отношение остаётся неопределённым, — Сяо Цичэнь взял с блюда засахаренный финик. Он так и не избавился от детской привычки что-нибудь жевать, когда о чём-то говорит. — В последние полгода отец то и дело навевается в Чертог Чэнлань. Спрашивает, как у меня с учёбой, удобно ли жить, куда бы я хотел съездить... Словно вдруг проникся ко мне особой заботой, а мне от этого только не по себе.

Су Янь вздохнул:

— А разве равное отношение ко всем — не благо?

Сяо Цичэнь сунул ему в руку горсть жареного арахиса и продолжил:

— Со стороны это, конечно, выглядит как редчайшее проявление отцовской любви и братской гармонии в императорской семье. Но чем больше он «орошает всех равным дождём милостей», тем сильнее это раздражает старшего брата Юя.

<http://bllate.org/book/15940/1424971>